

А. В. Тарарак

г. Харьков

«РУССКИЙ» НАПОЛЕОН: К ПРОБЛЕМЕ НАПОЛЕОНОВСКОГО МИФА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. «СЛУЧАЙ» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье рассматривается вопрос формирования наполеоновского мифа в русской литературе на примере раннего творчества М. Ю. Лермонтова, который в восприятии и поэтическом осмыслении личности Наполеона оставался в рамках европейского понимания этого феномена.

Ключевые слова: наполеоновский миф, наполеоновский цикл, мифологема, антинаполеоновские памфлеты.

У статті висвітлюється питання формування наполеонівського міфу в російській літературі на прикладі ранньої творчості М. Ю. Лермонтова, який у сприйнятті та поетичному осмисленні особистості Наполеона залишався у межах європейського розуміння цього феномену.

Ключові слова: наполеонівський міф, наполеонівський цикл, мифологема, антинаполеонівські памфлети.

The article considers the formation of Napoleon's myth in the Russian literature by example of Lermontov's early works. In his perception and poetic comprehension of Napoleon's personality he remained within the European understanding of this phenomenon.

Keywords: Napoleonic myth, Napoleonic cycle, mythologem, anti-Napoleonic pamphlets.

В русской литературе наполеоновский миф складывался постепенно, и некоторые его аспекты обусловлены художественным осмыслением этой личности у Пушкина и Лермонтова. Для Пушкина он был современником, личность которого воспринималась живо, непосредственно, порой идеализировалась или недооценивалась, однако исторически осмыслялась весьма точно. Для Лермонтова история возвышения и падения Наполеона была все же страницей хоть и недавнего, но прошлого. Произведения, посвященные ему, в науке принято называть «наполеоновским циклом». Цель данной статьи состоит в том, чтобы осмыслить некоторые особенности лермонтовского восприятия Наполеона на раннем этапе его творчества и выявить те элементы, которые впоследствии участвовали в формировании наполеоновского литературного мифа.

Существует огромная научная литература о восприятии Наполеона Пушкиным и Лермонтовым [см., напр., 2, 3, 6, 8, 9, 12 – 14]. Многие из этих исследований давно стали классическими, если не сказать хрестоматийными, в свет выходят и работы современных исследователей. Проблема функционирования образа Наполеона в русской литературе актуализирована юбилейными торжествами, посвященными 200-летию Отечественной войны 1812 г. Однако можно утверждать, что рассматривать эту проблему следует шире, в контексте наполеоновского литературного мифа, у истоков которого несомненно стояли Пушкин и Лермонтов.

Русский наполеоновский миф был частью мифа европейского, но имел свое национальное измерение. Как полагает С. В. Гончар, в Европе

существовала собственная наполеоновская легенда, складывающаяся из ряда аспектов: «избранность Бонапарта, достойное место, уготованное ему в пантеоне сильных мира сего; мудрость и военный гений императора, обеспечивающий ему непобедимость в борьбе с любым противником; стремление “нового Прометея” подарить “огонь свободы и независимости” народам Европы» [1, с. 102]. Исследовательница пишет, что в контексте «мессианской» концепции возникают специфические смыслы: «... для растоптанных им европейских монархий он выступал символом зла; в России в нем видели апокалипсического всадника на белом коне, символ брэнности земной славы и ничтожности человеческих усилий по отношению к воле Божьей» [1, с. 102]. Думается, здесь есть некоторое выпрямление: символом зла Наполеон был не только для монархий, а образ Наполеона-Антихриста возникает, прежде всего, в народном сознании, воскрешает национальные страхи и накладывается на национальную легенду об Антихристе, связанную с мифологемой Петра I.

Исследовательница отмечает, что «ни для одной страны Европы личность не имела такого значения, какое она имела для Польши», вероятно, понимая надежды на освобождение, которые связывались с завоеваниями Наполеона. Но если рассматривать формирование и функционирование национального литературного мифа, то в России он имеет не меньшее значение и является центральным вплоть до литературы русской эмиграции. С. В. Гончар пишет, что «...апологетический миф Наполеона, созданный Мицкевичем, и миф самого Мицкевича в польской литературе относятся к категории предсказанных Шеллингом в “Философии искусства” новых мифов, в которых функцию мифологемы выполняет культурное имя нового времени. И выбор той или иной исторической личности для создания ее мифа продиктован, прежде всего, эпохой, в свете которой эта личность становится символом определенной идеи» [1, с. 106]. С именем Наполеона в Польше были связаны надежды на национальную свободу, которые, не оправдавшись, стимулировали развенчание героя и превращение его в «антигероя», а создатель мифа о нем в литературе, А. Мицкевич, сам оказался национальным мифом «поэта-вождя, поэта-пророка» [1, с. 106–107], остающимся актуальным в польской литературе по сей день.

Формирование наполеоновского мифа в русской литературе предполагает не только учет контекста творчества поэтов, стоявших у его истоков, но и той социокультурной ситуации, в которой оно развивалось. Историк М. Г. Лобачкова справедливо полагает, что огромную роль в формировании русского общественного мнения по отношению к Наполеону сыграла публицистика, которая была и способом формирования этого мнения, и формой его выражения: «Сочинения, посвященные Наполеону, делятся на три основные группы: апологетические брошюры, антинаполеоновские памфлеты и военная публицистика. Для России начала XIX века характерно количественное преобладание второй и третьей групп, что зависело от международной ситуации и состояния отношений, в которых находились Франция и Российская Империя» [5, с. 6]. К моменту, когда

Лермонтов создавал свои первые произведения, посвященные Наполеону, публицистика времен наполеоновских войн потеряла свою актуальность и злободневность. В сознании образованной части общества закрепились лишь отголоски, основные представления, сформировавшиеся прежде и освобожденные от деталей, ставшие частью общественного мнения о Наполеоне. Думается, здесь следует иметь в виду и существовавшую разницу между народной памятью о завоевателе и представлениях образованной части общества. Актуализация его образа была связана со значимыми уже для этого времени событиями, такими, как десятилетие со дня смерти Наполеона или перенос его праха с о. Св. Елены.

Первое стихотворение известного лермонтовского цикла – «Наполеон» (1829) уже становилось предметом внимания исследователей. В нем молодой поэт впервые обращается к личности героя и осмысляет его величие. Ключевым в стихотворении является поэтический образ воды, характерный для эстетики романтизма: «бьет волна», «волн прибрежных стон». Поэт создает оппозицию величественной морской стихии презренному и обыкновенному занятию рыбака, оскорбляющего своей житейской заботой прах великого:

... усталую стопою
Идет рыбак берегов на стихий склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изодранную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь... [4, с. 28]

Поэтическая ситуация включает характерные для романтизма элементы: могильный холм на берегу океана, где стоит «дикий памятник», герой «спит» «в сырой земле и в яме неглубокой», этот памятник – «камень одинокой», над ним – «дуб возвышенный». Герой «безвременно погас», «покоен», над его прахом «порхнет зефир весенний». К нему является «певец возвышенный». Место успокоения героя находится между двумя стихиями – водной и небесной, туда в вечернюю пору, освященную Дианой, богиней Луны, охоты, дикой природы идет «мечтать» юный певец:

Но вот полночь свинцовый свой покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихую Диана осребрила [4, с. 27].

В стихотворении создана и оппозиция утро / вечер. Певец приходит оплакивать подвиг героя в «полночь», «зефир» порхает над могилой «в тихий час утра», рыбак волочит свои сети, когда «гаснет день». Именно тогда появляется «тень» героя перед наивным певцом. В его песне, сопровождаемой арфой, возникают «воспоминания», являющиеся метафорическим перечислением тех представлений о Наполеоне, которые сложились не в исторической памяти, а в романтической эстетике: герой «дивный», «воин дерзновенный», «глас его священный», «для чести счастье презирал», «с невинными народами сражался», «короны разбивал», «высокие

думы» и пр. Образ героя, как и образ природы, двойственен: он победитель, низвергатель и «не трепетал» перед «творцом». Но одновременно он жертва и «рока», и «Творца»:

Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами...
Бежал!.. и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум [4, с. 27].

Его «тень» обращается к наивному певцу с призывом прекратить оплакивания: он по ту сторону, где «нет ни почестей, ни счастья, ни рока»:

Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки:
Я презрю песнопенья громки;
Я выше и похвал, и славы, и людей!..» [4, с. 28].

Как полагает И. Е. Усок, «мощь духа Наполеона позволяет Л. <ермонтову> (вслед за Пушкиным) прибегнуть к традиционно романтическому сравнению его души с океаном. Любопытно, что у Л. <ермонтова> даже призрак – тень умершего императора – принимает выразительную позу, “позу задумчивости”, характерную для титанических страдальцев Байрона (В. Жирмунский). Традиционно романтическое в облике лермонтовского Наполеона осложняется характерно лермонтовским. Так, его Наполеон достиг всемирной известности (“Ему почти весь мир кричал ура!”), отказавшись от личного “счастья” во имя “славы” и “чести”» [11, с. 332]. Отметим, что «выразительную позу» призрак принимает все же во втором стихотворении, «Наполеон (Дума)», а не в первом.

Параллель с Пушкиным проводит и Н. Н. Мотовилов, называющий стихотворение «Наполеон» началом наполеоновского цикла и связывающий его с западноевропейской «наполеоновской легендой» и стихотворениями Пушкина «Наполеон на Эльбе» и Тютчева «Могила Наполеона» [7, с. 331]. Со стихотворением Тютчева лермонтовское стихотворение сходно общностью приемов решения темы. У Тютчева поэтическая ситуация зафиксирована в семантике заглавия («могила»): «Лазурь небес, и море голубое, / И дивная гробница, и скала! / Древа кругом...» [10, с. 13]. Особенно отчетлива параллель в финале стихотворения: «А тень его, одна, на бреге диком, / Чужда всему, внимает шуму волн...» [10, с. 13], однако лермонтовская тень героя прерывает молчание, обращается к певцу с гневной отповедью. Пушкинское влияние на концепцию образа Наполеона у Лермонтова уже многократно освещалось в работах исследователей. Отметим только, что, несмотря на это влияние, молодой поэт воплощает традиционную для той поры тему и индивидуально. Его герой пал волею Творца, «побежден московскими стенами» и «бежал», «огнем снедаем угрызений» [4, с. 28] и не замышляет мести.

Возникающие переключки, параллели между поэтическими произведениями русских поэтов, – а здесь стоит упомянуть и незавершенную

поэму В. Жуковского «Странствующий жид» («Агасфер»), и произведения поэтов «второго ряда», в том числе Е. Ростопчиной, – позволяют говорить о влиянии романтической эстетики на художественное осмысление личности Наполеона. Они же свидетельствуют и об одном из аспектов его мифологизации, который в русской культуре на этом этапе совпадает с общеевропейским. Содержанием мифологемы «Наполеон» является его избранничество, особое место, которое он занимает в пантеоне «великих» [1, с. 12]. Молодой Лермонтов создает образ героя, которому подвластно все, кроме рока, который ведет его и довлеет над его судьбой. Потому невозможен и суд над ним: «Я выше и похвал, и славы, и людей» [4, с. 28].

В стихотворении «Наполеон (Дума)» власть рока сменяется изменчивой «судьбой», поэт вводит повторяющийся образ «славы»: «славы след», «Прости, о Слава!» [4, с. 49]. Интересно, что это стихотворение как бы разворачивает последнюю строфу предшествующего стихотворения: «на берегу» стоит «тьнь», «призрак» Наполеона, причем появляется он в то же «неверное» время, что и в первом стихотворении:

...меж днем и темнотой,
Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений, тайн и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть... [4, с. 48].

Здесь у «призрака» очевидны некоторые очертания, напоминающие созданный Пушкиным в стихотворении «Наполеон на Эльбе» образ Наполеона: «острый взгляд с возвышенным челом», на лице «еще видны / Следы забот и внутренней войны, / И быстрый взор, дивящийся слабый ум» [4, с. 48, 49], а также возникает словесный портрет Наполеона «под шляпою, с нахмуренным челом».

Воспроизводит поэт и известную по воспоминаниям и живописным изображениям Наполеона деталь: «две руки, сложенные крестом» [4, с. 49]. Сохраняется во втором стихотворении и оппозиция герой / обыватель. В «Наполеоне» рыбак не ведает, какую священную землю «попирает» своим житейским и приземленным занятием. В стихотворении «Наполеон (Дума)» о чудесной тени, иногда стоящей на берегу со скрещенными руками, судачат рыбаки. Эта оппозиция в последующих стихотворениях наполеоновского цикла Лермонтова перерастает поначалу в противопоставление образа героя «жалкому» народу Франции, изменившему своему герою, а затем и образу, характерному для всего творчества поэта, – образу «толпы», противостоящей герою.

Ранние стихотворения Лермонтова дают возможность говорить о том, что в его творчестве совпадают русское и европейское направление мифологизации личности Наполеона. Позднее, раздвигая рамки романтического мировидения, поэт углубляет свое понимание трагедии героя, столкнувшегося с мощью русской народной стихии, однако эта тема требует специального исследования.

Библиографические ссылки

1. Гончар С. В. Адам Мицкевич и миф Наполеона в польской литературе XIX века / С. В. Гончар // Творчество Адама Мицкевича и современная мировая культура: сб. научных работ [Под ред. С. Ф. Мусиенко]. – Гродно : ЧПУП Издательство «Ламарк», 2010. – С. 99–107.
2. Грунский И. К. Наполеон I в рус. художественной литературе / И. К. Грунский // Русский филологический вестник. – 1898. – Т. 40, № 3–4. – С. 279–90.
3. Книпович Е. Ф. Мужество выбора: статьи / Е. Ф. Книпович. – М. : Советский писатель, 1975. – 295 с.
4. Лермонтов М. Ю. Соч.: в 2 т. / Михаил Юрьевич Лермонтов. – М. : Правда, 1998. – Т. I. – 720 с.
5. Лобачкова М. Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг.: автореф. дис. ... канд. историч. наук: спец. 07.00.03 «Всеобщая история» / Мария Геннадьевна Лобачкова. – Петрозаводск, 2007. – 19 с.
6. Мордовченко Н. Лермонтов и русская критика 40-х гг. / Н. Мордовченко // Литературное наследство. – Т. 43–44. – С. 745–796.
7. Мотовилов Н. Н. «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой») / Н. Н. Мотовилов // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); [Гл. ред. В. А. Мануйлов]. – М. : Сов. энцикл., 1981. – С. 331–332.
8. Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон: (Пушкинский вариант «наполеоновской легенды») / О. С. Муравьева // Пушкин: Исследования и материалы. – Л. : Наука, 1991. – Т. 14. – С. 5–32.
9. Рассадин С. Б. Рассказы о литературе / С. Б. Рассадин, Б. М. Сарнов. – М. : Детская литература, 1977. – 352 с.
10. Тютчев Ф. И. Могила Наполеона («Душой весны природа ожила...») / Федор Иванович Тютчев // Ф. И. Тютчев. Лирика: в 2 т. / АН СССР. – М. : Наука, 1966. – Т. 1.
11. Усок И. Е. Наполеоновский цикл / И. Е. Усок // Лермонтовская энциклопедия/АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); [Гл. ред. В. А. Мануйлов]. – М. : Сов. энцикл., 1981. – С. 332–333.
12. Фризман Л. Г. «Думы» Рылеева / Л. Г. Фризман // Рылеев К. Ф. Думы. [Изд. подгот. Л. Г. Фризман]. – М. : Наука, 1975. – С. 171–226. (Серия «Литературные памятники»).
13. Фризман Л. Г. Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова / Л. Г. Фризман. – М. : Наука, 1973. – 168 с. («Из истории мировой культуры»).
14. Шагалов А. Ш. Тема Наполеона в творчестве М. Ю. Лермонтова / А. Ш. Шагалов // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1970. – Вып. 389. – С. 194–218.

Надійшла до редколегії 26.04.12